

A magical night landscape featuring a full moon in a starry sky, a winding river, and trees with glowing red lights. The scene is set in a dark, forested area with a path leading towards the river.

СКАЗКИ НА НОЧЬ

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Сказки на ночь

«Автор»

2026

Lurt E.

Сказки на ночь / Е. Lurt — «Автор», 2026

Волшебные сказки для добрых снов. Маленькие герои дарят свет и радость: ёжик освещает лес лунными иголками, мальчик Тим рисует конфетные облака, а девочка Алиса превращает обрывки снов в светящихся бабочек. Каждая история учит верить в чудо, быть смелым и делиться теплом. Идеально для уютного вечернего чтения — с продолжением на следующую ночь.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка о первом снежном лепестке.	5
Сказка о Фонарщике лунных дорожек	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Eyforis Lurt

Сказки на ночь

Сказка о первом снежном лепестке.

Глава 1. Там, где рождаются облака

Далеко-далеко, выше самых высоких гор, выше стай перелётных птиц и выше даже радуги, которая иногда перекидывается с одного края неба на другой, раскинулось Заоблачное королевство.

Это было необычное место. Там не было ни земли, ни камней, ни травы, как внизу. Всё королевство состояло из мягкого, упругого, белоснежного вещества, которое люди внизу называли облаками, а местные жители — *пушистой плотью неба*.

Дома здесь строили из плотных кучевых глыб, которые держались друг за друга не гвоздями и не клеем, а лёгким прикосновением и добрыми мыслями. Улицы были выложены перистыми плитами, которые пружинили под ногами, словно бархатные подушки.

А вместо фонарей по обочинам покачивались на невидимых нитях маленькие шаровые молнии — они тихо гудели и освещали королевство мягким жемчужным светом даже ночью.

И вот в этом удивительном королевстве, на самой окраине, где небесная гладь начинала понемногу истончаться и пропускать холодный звёздный ветер, жила-была маленькая Тучка.

Её звали Пушинка. Она была самой младшей в своём облачном роду и, пожалуй, самой пугливой. Все остальные тучи — большие, важные, солидные — носились по небу с гордым видом, проливались дождями, гремели громами и застилали солнце, когда хотели поиграть в прятки. А Пушинка...

Пушинка была размером всего с небольшого ягнёнка. Она была нежно-розовой на восходе, золотистой в полдень и сиреневой на закате. Но чаще всего она была просто белой и немножко прозрачной по краям.

Пушинка любила смотреть вниз. Она присаживалась на самый край облачного утёса, свешивала свои пухлые ножки и смотрела на Землю. Там, внизу, всё было таким зелёным, пёстрым, живым. Она видела леса, которые шевелились, как большие зелёные ковры.

Видела реки, которые блестели, как змеи, уползающие вдаль. Видела города с крошечными домиками, из труб которых поднимался дым — такой знакомый, почти родной, только серый и грустный, в отличие от её сияющих подруг-облаков.

Но больше всего Пушинка боялась высоты. Это звучало странно для той, кто родился в небе и никогда не ступал на землю, но это было правдой.

Каждый раз, когда она смотрела вниз, у неё начинало щекотать в животе, а краешки её тела начинали вибрировать. Ей казалось, что если она сделает ещё один шаг вперёд, то провалится сквозь небо, пронзит все слои атмосферы и упадёт куда-то в бездну, откуда нет возврата. — Пушинка, — говорила ей старшая Сестра-Ливень, огромная, как гора, синяя и суровая. — Ты когда-нибудь перестанешь трусить?

Мы — тучи. Наше призвание — падать. Падать вниз, чтобы напоить поля, чтобы зажечь реки, чтобы охладить раскалённые камни.

А ты сидишь тут, как приклеенная к перилам. — Но я не хочу падать! — шептала Пушинка, съживаясь в маленький комочек. — Мне так страшно. А что, если я потеряюсь? Что, если меня поймает Ветер и унесёт в такое место, где никогда не бывает радуги?

Сестра-Ливень только вздохнула, громыхла где-то в глубине своей серой груди и уплывала по своим важным делам.

Пушинка оставалась одна. Она утешала себя тем, что есть маленькие тучи, которые вообще никогда не падают. Например, те, что живут на самом верху, рядом с вечным солнцем. Они прозрачные, тонкие, похожие на паутину.

Их задача — просто красиво отражать свет. Пушинка мечтала стать такой. Она представляла, как будет тихонько парить на самой вершине неба, никуда не падать, никому не мешать и просто быть красивым пятнышком на голубой тарелке мироздания.

Но у Судьбы, как выяснилось, были на неё совсем другие планы.

Глава 2. Старый Ветер и его приказ

Однажды утром, когда Пушинка, как обычно, сидела на краю утёса и грустно перебирала капельки росы в своей «шапочке» (она любила украшать себя росинками — они блестели на её теле, как бриллиантовые пуговицы), воздух вокруг неё вдруг изменился.

Он стал плотным, холодным и... говорящим. Издалека, от самого северного полюса неба, где звёзды мерцали даже днём, приближался Старый Ветер. Его нельзя было увидеть, но можно было почувствовать. Он был не похож на весёлые ветерки, которые играли в салочки с перьями птиц.

Старый Ветер был величественным, седым и мудрым. Он нёс в себе запах вечных льдов, запах времени и немного запах старого пергамента — потому что он хранил в себе все истории мира.

Он дул ровно и мощно, и все облака почтительно расступались перед ним, пригибая свои верхушки, словно кланяясь. — Пушинка! — голос Ветра звучал, как шум далёкого океана, зажатого в раковине. — Ты — Тучка по имени Пушинка?

Маленькая Тучка задрожала. Её розоватые бока покрылись рябью, а края стали слегка прозрачными от волнения. — Д-да, — пискнула она. — Это я.

— Слушай внимательно, — сказал Ветер, и его голос стал ниже, почти трубным. — Пришло твоё время. Настал час, когда ты должна подарить миру зиму.

Пушинка чуть не упала с утёса от изумления. — Зиму?! — воскликнула она. — Но я же совсем маленькая! Я не умею греметь, как грозовые тучи. Я не умею проливать ливни.

У меня даже капель внутри почти нет, только маленькая роса и пара-тройка студёных кристалликов!

— Именно поэтому, — ответил Ветер, и в его голосе послышалась улыбка. — Зима не требует шума. Зима требует нежности. Ты — самая чистая, самая юная и самая прозрачная из всех. Твоя вода ещё не знает грязи земли, твои кристаллики ещё не сломаны штормами. Ты — девственная чистота.

Именно из таких, как ты, рождаются первые снежинки. Пушинка притихла. Ей стало тепло внутри от его похвалы, но живот всё равно скрутил страх. Она посмотрела вниз. Земля казалась такой далёкой.

Там шумели леса, там дымили печи, там кто-то смеялся, кто-то плакал. А она, маленькая Пушинка, должна была... прыгнуть? — Но я боюсь, — прошептала она. Старый Ветер вздохнул. Он дул мягче, обволакивая её тёплой (для ветра) волной. — Страх — это не враг, Пушинка.

Страх — это просто тень, которую ты отбрасываешь, когда светит твоя мечта. Скажи мне, чего ты хочешь больше всего? Продолжать сидеть на краю и бояться, или хоть раз в жизни стать чьей-то радостью? Пушинка задумалась. Она вспомнила, как смотрела на Землю. Она видела там детей.

Маленьких, смешных, бегающих по траве. Она видела, как они радуются дождю. Но радуются ли они снегу? Она не знала. Но ей ужасно хотелось, чтобы они радовались. Чтобы кто-то посмотрел на небо и сказал: «Смотрите, какая красивая снежинка!», не зная даже, что это она, Пушинка, превратилась в неё. — Я хочу подарить красоту, — наконец сказала она тихо. — Но я хочу, чтобы... чтобы я не умерла при этом.

Ветер мягко засмеялся. — Умереть? Тучка не умирает. Тучка перерождается. Сейчас ты — это пар, вода и лёгкость. А станешь ты — узором, светом и волшебством. Разве это смерть? Пушинка открыла рот, чтобы возразить, но Ветер уже начал дуть сильнее. Он гнал её с утёса.

Он поднимал её мягкое тельце и толкал к краю. Пушинка вцепилась в облачную пыль, но пальцы скользили. — Нет! — закричала она. — Я ещё не готова! — Ты готова ровно настолько, насколько сама решишь быть готовой, — произнёс Ветер, и его голос растворился в свисте.

И в следующий миг Пушинка оторвалась от утёса. Она взлетела вверх — нет, не взлетела, она просто перестала держаться. Она парила в воздухе, неуклюже переворачиваясь, как пушинка одуванчика. Вокруг неё кружился воздух, пели звёздные ветры, и где-то вдали сверкнула молния, будто сама природа аплодировала её решению. Но это был не конец.

Это был лишь первый шаг. Пушинка сжалась в маленький, плотный, холодный комочек. Она чувствовала, как её капельки замерзают, как внутри неё появляются тонкие, как иголки, кристаллики.

Она вспомнила слова Ветра: *«Ты — девственная чистота»*. И в этот момент, когда страх почти победил, она вдруг вспомнила о том, что внутри неё живёт нечто большее, чем вода. Внутри неё жила магия.

Глава 3. Превращение

Падение Пушинки длилось всего несколько мгновений по земному времени, но для самой Тучки оно растянулось в вечность. Она пролетала сквозь слои неба, которые даже не снились ни одному воздухоплавателю.

Сначала был слой Тёплых Ветров — там её обдували мягкие потоки, пахнущие цветущими лугами и мёдом. Потом — слой Серебряных Дождей, где капли воды пели хором и играли на струнах солнечных лучей.

А потом начался слой Холода. Пушинка почувствовала, как её пушистая шубка начала схватываться тонкой ледяной коркой. Но это было не больно. Это было красиво. Каждая капелька внутри неё, каждая частичка влаги выстраивалась в строгий, невероятно сложный, геометрический узор.

Шестиугольник. Шестиконечная звезда. Симметрия, которую не может создать ни один художник в мире. — Я становлюсь... красивой, — прошептала Пушинка, глядя на свои прозрачные руки, которые теперь превратились в тонкие лучики, расходящиеся от центра. Она не чувствовала веса.

Она стала невесомой, почти прозрачной, но при этом переливалась всеми цветами радуги — но радуги не яркой и кричащей, а той, что бывает только у северного сияния: матовой, нежной, как шёпот.

Она летела вниз. Мимо пролетали птицы, которые удивлённо оглядывались на неё и щебетали: «Смотрите, смотрите! Это не просто снег! Это — магия!»

Пушинка хотела им ответить, но у неё не было рта. Теперь она была только узором. Только светом. Только красотой. Она видела, как внизу приближается земля. Она падала прямо на макушку огромного, старого, раскидистого Дуба.

Этот дуб стоял на краю заснеженного поля. Его ветви были голыми, корявыми, покрытыми мхом и старыми следами дождей. Он выглядел суровым, мрачным и очень уставшим. Казалось, он тысячу лет ждал зимы, но зима всё не приходила — она опаздывала в этом году. — Осторожно! — крикнула Пушинка, хотя у неё больше не было голоса. — Я лечу прямо на тебя!

Дуб, конечно, не ответил. Деревья умеют слышать, но они редко отвечают. Однако он чуть дрогнул ветвями, будто почувствовал приближение чего-то важного. И Пушинка приземлилась. Это было мягкое приземление. Она не ударилась и не разбилась. Она просто коснулась самой верхней, самой тонкой веточки Дуба, и в тот же миг вокруг неё вспыхнул ослепительный свет. Это был свет, рождённый соединением её ледяной магии и старой мудрости дерева.

Каждая ветка, каждая кора, каждая трещинка на Дубе покрылась тонким слоем льда. Но это был не простой лёд. Он был хрустальным. Он был резным. Он превратил старый, унылый дуб в настоящий зимний дворец. Ветви стали хрустальными люстрами, свисающие с них сосульки — алмазными подвесками, а трещинки в коре засияли, как светящиеся жилы.

Пушинка, которая теперь была не отдельной снежинкой, а частью этого великолепия, почувствовала, как внутри неё разрастается тепло. Она думала, что лёд делает холодным, но оказалось, что настоящая магия льда — это когда он заставляет сердца биться быстрее от восторга.

Дуб вздохнул. Настоящий, глубокий вздох, который слышала бы вся округа, если бы умела слушать. Его хрустальные ветви зазвенели, словно тысячи колокольчиков. — Ты пришла, — сказал Дуб голосом, похожим на скрип снега под ногами. — Я ждал тебя сто лет.

Пушинка удивилась. Она хотела спросить: «Почему сто?», но её мысль отразилась в хрустале, и Дуб услышал её без слов. — Потому что сто лет назад здесь была другая зима. Она была злой. Она ломала ветки, превращала сок в камень и убивала птиц.

Я боялся зимы. Но потом ты упала на меня, и я понял: зима может быть доброй. Ты — добрая, Пушинка?

Пушинка подумала. Она была доброй. Она не хотела ломать. Она хотела украшать. Она хотела, чтобы всё вокруг стало сказкой. — Да, — просияла она (в прямом смысле — её свет стал ещё ярче).

— Тогда научи меня танцевать, — попросил Дуб. — Я старый и тяжелый. Мои корни глубоко в земле. Я не могу двигаться. Но если я засияю, как ты, может быть, мои соки заиграют, и я смогу хотя бы пошевелить ветвями в ритме ветра?

Пушинка согласилась. И началось великое зимнее волшебство.

Глава 4. Хрустальный бал в лесу

В ту ночь, которую никто из жителей ближайшей деревни никогда не забудет, произошло чудо.

Они выглянули в окна и ахнули. Старый Дуб на холме сиял. Он переливался миллиардами огней. Его ветви двигались в такт невидимой мелодии — они качались плавно, словно дирижёрская палочка, управляющая оркестром звёзд.

Вокруг него начали собираться звери. Они выходили из своих норок, гнёзд и берлог, зачарованные светом. Зайцы, которые обычно боялись выходить из укрытий, прыгали вприпрыжку, оставляя на снегу причудливые следы. Лисы кружили в медленном танце, поднимая свои пушистые хвосты.

Даже колючие ежи, которые зимой всегда спят, проснулись и, постукивая своими иголками, словно кастаньетами, присоединились к хороводу.

Пушинка, находясь на макушке Дуба, управляла всем этим действием. Она отпускала с себя мелкие снежинки-сестрёнки, которые падали на землю и тут же превращались в маленькие звёздочки. Они освещали путь каждому зверю. Она видела внизу лисёнка, который впервые вышел из норы. Он был робким и дрожащим. Но когда на его носик упала снежинка от Пушинки, он вдруг почувствовал тепло и уверенность. Он поднял голову и заулыбался.

«Это делает меня счастливой», — подумала Пушинка. А потом произошло то, что она запомнила навечно. Из маленького домика у подножия холма вышла девочка. Она была в вязаной шапочке с помпоном, её щёки покраснели от холода, а глаза горели удивлением. Она смотрела на танцующий Дуб, на зверей, на летящие искры, и в её глазах стояли слёзы — но не грусти, а восторга. — Мама! Мама, смотри! — закричала девочка. — Это же настоящий новогодний сон!

Она протянула руки к небу, и Пушинка, как по волшебству, послала ей прямо на ладошку свою самую красивую снежинку. Та была огромной, почти с цветок, и имела узор, похожий на папоротник. Девочка посмотрела на неё и прошептала: — Ты живая?

Пушинка не могла ответить, но она чуть блеснула, и девочка поняла всё без слов. В этот момент Старый Ветер, который наблюдал за происходящим с высоты, довольно ухмыльнулся. Он дунул тихонько, чтобы усилить хрустальный звон Дуба, и произнёс:

— Теперь ты знаешь, Пушинка. Ты не просто снег. Ты — волшебство, которое меняет мир к лучшему. И Пушинка поняла, что страх высоты исчез. Она больше не боялась падать. Потому что падение — это не конец. Падение — это начало новой истории.

Глава 5. Как Дуб попросил научить его танцевать

Когда ночной бал закончился, звери разошлись по домам, унося в своих сердцах частичку хрустального тепла. Девочка ушла в свой домик, положив снежинку на подоконник, чтобы она не растаяла до утра.

Пушинка осталась на макушке Дуба. Она чувствовала себя уставшей, но невероятно счастливой. Её лучики стали мягче, свет — приглушённое, но она всё ещё переливалась.

И тут Дуб заговорил. Его голос больше не был скрипучим и старым. Он стал звонким, молодым, как у юноши. — Пушинка, — сказал он. — Я чувствую себя живым. Впервые за сто лет я чувствую, как мои корни играют с землёй, как мои ветви тянутся к звёздам. Но одного танца мне мало. Я хочу танцевать всегда. Научи меня танцевать так, чтобы я двигался сам, без ветра.

Пушинка удивилась: — Но как я могу тебя научить? Я — всего лишь снежинка. Ты — дерево. У тебя нет ног, у меня нет рук. — У тебя есть магия, — возразил Дуб. — Посмотри на мои ветви. Они покрыты твоим хрусталём. Этот хрусталь чувствует музыку. Если ты начнёшь менять свой свет, пульсировать, как сердце, я буду чувствовать ритм и покачиваться вместе с тобой. Ты станешь моим дирижёром.

Пушинка никогда не думала о том, что можно быть дирижёром. Но она закрыла глаза (если это можно было так назвать) и попыталась представить музыку. Она вспомнила, как пел Старый Ветер, как звенел лёд на реке, как стучали капли дождя по листьям. Она сложила эти звуки в мелодию. И начала светиться.

Она светилась то ярко-белым, то тёплым янтарным, то холодным голубым. Её пульс менялся. И Дуб, словно загипнотизированный, начал двигаться в такт. Сначала медленно. Осторожно. Его ветви скрипели, но не от боли, а от удовольствия. Он поднимал свои хрустальные ладони к небу, словно приветствуя звёзды. Он опускал их вниз, касаясь снежного покрова, словно нежно глядя землю. — У меня получается! — воскликнул Дуб. — Я танцую!

И он заплясал. Он кружил, наклонялся, взмахивал ветвями, как руками. Снег вокруг него взметнулся в воздух и закружился в ответном танце. Другие деревья, которые стояли поодаль, смотрели на это с завистью и восхищением.

Маленькая Берёзка, стоящая рядом, грустно вздохнула: — Вот бы и мне стать такой нарядной и танцевать... Пушинка услышала её грусть. И у неё родилась идея. — Дуб, — сказала она. — Я могу украсить не только тебя. Я могу подарить хрусталь каждому дереву в лесу. Но для этого мне нужно, чтобы ты помог мне. Отломи одну свою маленькую веточку и подари её Берёзке.

Дуб задумался. Отломить ветку — это больно. Но он вспомнил, как ему самому было больно и одиноко до появления Пушинки. И он согласился. Он аккуратно отломил самую малюсенькую веточку, покрытую хрусталём, и протянул её Берёзке. — Держи, — сказал он. — Это частица нашей магии. Берёзка прикоснулась к веточке. И в тот же миг её ствол покрылся тонким слоем серебристого инея, а ветви зазвенели стеклянным перезвоном.

— Я тоже могу танцевать! — закричала она от радости и начала покачиваться. Тогда к ним подошла старая Сосна, потом Клён, потом рябина. Каждый хотел частичку волшебства. Пушинка не могла создать хрусталь для всех сразу, но она поняла, что может научить деревья создавать его самим. Она прошептала им древнюю молитву снега, которую знали только самые старые тучи:

«Замерзни, вода, но не в лёд, а в свет. Стань резьбой, но не на камне, а на ветре. Пусть каждый твой луч будет песней».

И деревья начали преображаться одно за другим. Весь лес на холме за одну ночь превратился в Хрустальный Лес. Он сиял так ярко, что его было видно даже из космоса. Космонавты на орбитальной станции удивлённо смотрели в иллюминаторы и не верили своим глазам: в одном из уголков Земли вдруг расцвёл невероятный свет.

Глава 6. Маленькая девочка и её снежинка

Наутро, когда взошло солнце, Хрустальный Лес заиграл всеми цветами радуги. Солнечные лучи, проходя через ледяные грани, преломлялись и раскрашивали снег в пурпур, лазурь, изумруд и шафран. Девочка, которая нашла снежинку, проснулась и побежала к Дубу. Она хотела ещё раз увидеть чудо. Когда она добежала до холма, она замерла, раскрыв рот от удивления.

Лес изменился до неузнаваемости. Каждое дерево теперь было произведением искусства. С веток свисали ледяные колокольчики, которые тихо звенели от малейшего дуновения. На земле лежал снег, но он был не белым, а переливающимся — он сиял розовым, голубым и золотым. Девочка подошла к Дубу и положила руку на его ствол. — Ты слышишь меня? — спросила она. — Ты был так красив прошлой ночью.

Можно, я буду приходить к тебе каждый день? Дуб не мог говорить при людях — это была его тайна. Но он чуть качнул веткой, и с неё упала сосулька, которая разбилась о плечо девочки и превратилась в блестящую диадему.

Девочка засмеялась. Она надела диадему и почувствовала, как по её телу разлилось тепло. Ей показалось, что она слышит голос: — Ты — Хранительница Леса теперь. Береги его. А Пушинка смотрела на эту сцену сверху и улыбалась (ведь улыбка — это не всегда губы, это состояние).

Она поняла, что её миссия выполнена. Она подарила зиму, но не холодную и страшную, а добрую и красивую. Она превратила страх в чудо. Она превратила падение в взлёт. Но Старый Ветер знал, что это только начало.

Он подул снова и прошептал Пушинке: — Не расслабляйся, малышка. Ты показала деревьям, как танцевать. Но танцы без музыки — это просто качания. Кто будет играть для них мелодии? Кто будет учить их петь? Пушинка задумалась. И тут она вспомнила про маленького Сверчка, который жил под корнями Дуба. Он был стар и немощен, у него была сломана одна лапка, и он давно не играл на своей скрипке.

— Я вылечу его, — твёрдо сказала Пушинка. — Я дам ему новый смычок из своей ледяной нити. И тогда в лесу зазвучит музыка.

И она спустилась (теперь уже без страха) по стволу Дуба вниз, в тёплую норку Сверчка. Там было темно и влажно, но лучики Пушинки осветили всё. Сверчок лежал на сухом листочке и тяжело дышал. — Кто ты? — прошептал он, щурясь от света. — Я — первая снежинка этой зимы, — ответила она. — Я пришла вернуть тебе голос. Она сняла с себя тонкую ледяную нить — самую тонкую, как паутинка — и протянула её Сверчку.

— Обмотай свою сломанную лапку этой нитью. Она ледяная, но она даст тебе силу. Сверчок с трудом прикоснулся к нити. И в тот же миг его лапка засветилась голубым светом, кости срослись, и он почувствовал небывалую лёгкость.

Он вскочил, взял свою маленькую старую скрипку и провёл смычком по струнам. Раздался звук. Это была самая чистая, самая хрустальная нота, которую когда-либо слышал лес. Она разнеслась по всей округе, прошла сквозь ледяные деревья, и те отозвались эхом. Хрустальный Лес запел.

Финал

Пушинка поднялась обратно на макушку Дуба. Она чувствовала себя уставшей, но счастливой. Её лучики стали чуть тусклее, потому что она отдала часть своей магии Сверчку и

деревьям. Но теперь она знала: магия не убывает, когда ею делишься. Она просто переходит в другое место. Дуб склонил свою макушку к ней и прошептал:

— Пушинка, ты научила меня танцевать. Но я хочу научиться летать. Ты ведь умеешь летать, правда? Научи меня подниматься над землёй, хотя бы на миг, хотя бы во сне. Я хочу увидеть мир твоими глазами. Пушинка улыбнулась. — Хорошо, — сказала она. — Я научу тебя летать. Но для этого нам понадобится помощь Старого Ветра, и маленькая девочка с диадемой, и сверчок с новой скрипкой, и целый хрустальный оркестр. Завтра ночью мы начнём новое приключение. А сегодня — спи. Спи и видь сны о полёте.

И Дуб заснул. Его ветви тихо покачивались, и каждый его сон был наполнен образами парящих над землёй городов, танцующих облаков и сверкающих звёзд, которые можно потрогать руками.

Пушинка осталась на страже. Она больше не боялась высоты. Она знала, что даже если она растает, если пригреет солнце и она превратится в капельку воды, она всё равно останется частью этого мира. И следующим летом она испарится и снова станет облачком, чтобы снова однажды упасть на Землю и подарить новое чудо.

Сказка о Фонарщике лунных дорожек

Глава 1. Там, где начинается ночь.

Когда последний луч солнца угасает за Краем Мира, и небо окрашивается в цвет спелой сливы и старого бархата, наступает время, о котором редко говорят вслух. Это время, когда день передаёт свои ключи ночи, а ночь открывает свои потаённые двери.

В этот час, если поднять голову и долго-долго смотреть в ту сторону, где небо встречается с землёй, можно увидеть тонкую, почти невидимую серебряную нить.

Она тянется от самой дальней звезды прямо к поверхности Луны. По этой нити, как по канату, спускается на лунный диск старый Мастер.

Его зовут Элизий.

Никто не помнит, сколько ему лет. Некоторые говорят, что он ровесник Луны. Другие шепчут, что он появился ещё до того, как на небе зажглась первая звезда, и что его настоящая родина — это та тёплая тьма, которая была до Сотворения Мира. Но правду знает только он сам, а Элизий не любит рассказывать о своём прошлом. Он слишком занят настоящим.

Элизий — Фонарщик лунных дорожек.

Каждую ночь он зажигает путь для всех, кто заблудился во тьме. Но делает это не с помощью обычных фонарей или факелов. Его инструменты — это ведро из чистого лунного серебра, длинная черпалка из старого, гибкого света и бесконечная терпеливость.

Главный секрет Элизия заключается в том, что он черпает серебряную росу. Не простую воду, а ту, что собирается в глубоком колодце на самой сердцевине Луны.

Этот колодец не виден с Земли, потому что он спрятан внутри лунных кратеров, там, где вечный холод смешивается с вечным сиянием. Роса в этом колодце густая, тягучая, словно жидкий жемчуг. Она светится изнутри мягким, успокаивающим светом — таким светом, от которого хочется закрыть глаза и улыбнуться. Когда Элизий зачерпывает эту росу, его ведро начинает тихо петь. Это древняя песня, которую знают только луны и морские приливы. Она звучит как шум далёкого океана, смешанный с шелестом крыльев ночных бабочек.

И затем Элизий идёт по своим дорожкам.

Он ступает по небу босыми ногами, и его следы остаются на невидимых тропинках между звёзд. Капля за каплей он поливает эти тропинки лунной росой, и те начинают светиться серебряным светом. Это и есть лунные дорожки — те самые, которые видят дети, когда смотрят на полосы света, падающие на землю в полночь.

Но однажды, в одну из самых обычных ночей, когда Луна была полной и круглой, как сырная головка в кладовой великана, с Элизием случилось нечто необычное.

Глава 2. Неуклюжее утро на Луне

В ту ночь Элизий был особенно усталым. Днём ранее он спорил с Северным Ветром о том, нужно ли поливать дорожку, которая ведёт к Медвежьей пещере. Северный Ветер утверждал, что медведи и так видят в темноте, но Элизий возражал: «Видят они или нет, но каждый житель леса заслуживает права идти по освещённой тропе, если он устал». Спор был долгим, и Фонарщик потерял много сил.

Когда он добрался до лунного колодца в ту ночь, его руки слегка дрожали. Он опустил черпалку в серебряную глубину, зачерпнул полное ведро чистой росы, но, когда поднимал его, поскользнулся на лунной пыли, которая всегда была скользкой, как лёд. — Ой! — воскликнул Элизий, теряя равновесие.

Ведро качнулось. Серебряная роса плеснулась через край. Но самое ужасное было в том, что в этот момент под Луной, далеко внизу, на зелёной, тёплой Земле, спал маленький ёжик. Элизий зажмурился.

— Ну всё, — прошептал он. — Сейчас я кого-нибудь утоплю в лунном свете. Но роса не утопила. Роса, как и всё лунное, была живой. Она не упала на землю тяжёлой каплей. Она рассеялась в воздухе, превратилась в тысячи серебряных пылинок и начала мягко опускаться вниз, словно световой снег. И большая часть этих пылинок — самая густая, самая яркая их часть — упала прямо на спящего на лесной поляне Ёжика.

Ёжик спал беззаботно, свернувшись в колючий клубок под старым пнём. Он укрылся носом в свой пушистый животик и видел сон о том, что он — самый быстрый бегун в мире. Во сне он мчался по полю, обгоняя даже зайцев, и ветер свистел у него в ушах. Ему было тепло и уютно. И тут на него упала лунная роса.

Он даже не проснулся сразу. Он только почувствовал, что его спина стала чуть тяжелее, а потом — странное тепло. Но это тепло было не как от солнца, а как от тёплого молока, которое бабушка-ежиха наливала ему в детстве. Ёжик вздохнул во сне и перевернулся на другой бок.

А роса тем временем делала своё дело. Она просачивалась между его иголок, обволакивала каждую колючку тончайшим слоем лунного серебра. Она превращала обычные, коричневатые, немного запylённые иголки в идеальные, прозрачные, светящиеся кристаллы. Каждая иголочка теперь была не просто защитой, а маленькой лампочкой, в которой горел голубой, мягкий, как бархат, огонь.

Прошло несколько часов. Луна поднялась выше, и Элизий, грустный и виноватый, смотрел вниз, пытаясь разглядеть последствия своей неуклюжести. Он видел поляну, видел старый пенёк, и видел... светящийся шар. — О, Великое Небо, — прошептал он. — Что я наделал? А внизу, на Земле, Ёжик наконец проснулся.

Глава 3. Пробуждение света

Сначала Ёжик ничего не понял. Он открыл глаза, зевнул, пошевелил носиком и вдохнул привычный запах мокрой листвы, грибов и утренней свежести. Но потом он заметил, что вокруг него не темно.

Была глубокая ночь. Лес должен был быть чёрным-чёрным, с едва заметными силуэтами деревьев. Но вместо этого поляна была залита мягким голубым светом.

Ёжик оглянулся. Свет исходил... от него самого.

Он вскочил на свои короткие лапки, завертелся волчком и вытянул шею, пытаясь разглядеть свою спину. Спина сияла. — Ай-яй-яй! — пискнул Ёжик. — Что это?! Кто меня поджёт? Я горю!

Он принялся кататься по траве, думая, что так можно потушить огонь. Но свет не гас. Наоборот, от катания иголки становились только ярче, словно их натирали полировкой. Трава под ним начала светиться в ответ, и вскоре вся поляна засияла голубым фосфоресцирующим светом. Ёжик остановился, запыхался и сел на пенёк. Он был напуган и растерян. Он потрогал лапкой свою иголку — она была прохладной, гладкой и словно стеклянной. Он постучал по ней — раздался тонкий, как колокольчик, звон. — Красиво, — невольно сказал он. — Но странно. И тут он услышал чей-то тонкий, писклявый плач. Он доносился откуда-то из-за кустов шиповника, которые росли на краю поляны.

Ёжик насторожился. Он всегда был храбрым, хотя и маленьким. Он осторожно подошёл к кустам, раздвинул колючие ветки (свои-то колючки, светящиеся, были ещё колючее обычных!) и увидел маленького Светлячка.

Светлячок сидел на травинке и плакал. Его животик, который обычно горел ярким зелёным огоньком, был тусклым и серым. Он совсем не светился. — Эй, ты чего? — спросил Ёжик, стараясь говорить тихо, чтобы не напугать малыша.

Светлячок поднял голову. Его глаза были полны слёз. — Я потерял свой свет! — всхлипнул он. — Я упал в ручей, и вода погасила меня. Теперь я не могу найти дорогу домой. Моя мама, наверное, уже волнуется... А тут так темно! Я даже не вижу, где мой куст!

Ёжик оглянулся. Действительно, вокруг было темно. Только он сам излучал этот странный голубой свет.— Не плачь, — сказал Ёжик. — Садись ко мне на спину. У меня сейчас... э-э-э... акция. Я сам не знаю, как это вышло, но я теперь свечусь как ёлка. Светлячок удивлённо посмотрел на сияющие иголки Ежика.

— Ты что, волшебный? — спросил он.— Не знаю, — честно ответил Ёжик. — Раньше не был. Но сейчас, видимо, стал. Садись, покажу тебе дорогу.

Маленький Светлячок забрался на мягкий бок Ежика, пристроился между двумя иголками и почувствовал себя в безопасности. Голубой свет Ежика окутывал его тёплым коконом.

— Спасибо тебе, — прошептал Светлячок. — Без тебя я бы пропал.— Пожалуйста, — ответил Ёжик, чувствуя, как в груди разливается приятное тепло. — Я сам не знал, что могу быть полезен.

И он потрусил вперёд, освещая путь. Его голубые иголки разрезали тьму, как маленькие факелы. Каждый шаг оставлял за ним слабое свечение на траве — будто он поливал землю серебряной росой. И эта роса, сама того не ведая, начинала расти — из маленьких светящихся капель прорастали крошечные голубые цветы, которые раскрывались прямо у него на пути.

Это было началом его новой жизни.

Глава 4. Ночная тропа

Ёжик шёл по лесу, и весь лес просыпался от его света. Птицы в гнёздах открывали глаза и смотрели на движущуюся звёздочку. Мыши в норках принимались к необычному запаху — он пах лунным мёдом и прохладой. Даже старый Волк, который обычно бродил по ночам в поисках добычи, увидел вдалеке голубое сияние и решил, что это призрак, и обошёл поляну стороной.

— Скажи, а далеко ли твой дом? — спросил Ёжик у Светлячка.

— Очень далеко, — вздохнул малыш. — На той стороне Орехового оврага. Там, где растут светящиеся грибы.— Светящиеся грибы? — удивился Ёжик. — Я живу в этом лесу уже три года, но никогда не видел светящихся грибов.

— Они светятся только для нас, для светлячков, — пояснил малыш. — Для тебя они будут просто серыми поганками. Но если ты подойдёшь близко, ты увидишь, как они переливаются. Ёжик ускорил шаг. Ему стало любопытно. Он никогда не думал, что в лесу есть вещи, которые видны только определенным жителям. Может быть, и его иголки теперь видны как-то по-особенному? Может быть, он теперь видит то, чего не видел раньше?

И действительно, по мере того как он шёл, он начал замечать странности. На ветвях деревьев он видел тонкие светящиеся нити — это были паутины, которые он раньше просто не замечал в темноте. В воздухе кружились серебряные пылинки, похожие на звёздную крошку. Они опускались на его иголки и мгновенно впитывались, делая его свет ещё ярче.— Ты становишься сильнее, — сказал Светлячок, наблюдая за этим. — Ты впитываешь ночную магию.

— Я даже не знал, что она существует, — признался Ёжик.

— Она существует везде, — серьёзно ответил Светлячок. — Просто днём мы её не видим, потому что солнце слишком яркое. А ночью она прячется, пока кто-то не захочет её найти. Ты, наверное, очень сильно хотел помочь, да?

Ёжик задумался. Он действительно всегда хотел помогать. Он помогал старой Черепахе переползти через корягу, он помогал Белке собирать орехи, он даже однажды спас Муравья, который тонул в луже. Но ему всегда казалось, что это мелочи, что никто не замечает его доброты.

— Да, — наконец ответил он. — Я хочу помогать.

— Тогда ты и есть Фонарщик, — сказал Светлячок.— Кто?— Фонарщик. Я слышал, как мой дедушка рассказывал о них. Это существа, которые зажигают свет в темноте. Ты — один из них. Наверное, тебя выбрала Луна.

Ёжик остановился. Он посмотрел на небо. Луна висела прямо над ним, большая, круглая, и, как ему показалось, она подмигнула ему. Одна из звёзд рядом с ней сверкнула особенно ярко.— Луна? — тихо спросил Ёжик. — Это ты меня такой сделала?

Луна не ответила, но свет на его иголках стал чуть теплее, будто кто-то невидимый погладил его по голове. Они двинулись дальше.

Глава 5. Переправа через Ореховый овраг

Ореховый овраг был самым тёмным и страшным местом в лесу. Даже днём там царил полумрак из-за густых крон деревьев, которые переплетались ветвями, как сцепленные пальцы. А ночью там было так темно, что казалось, будто ты провалился в бездну.

Но Ёжик не боялся. Как только он ступил на тропу, ведущую в овраг, его иголки вспыхнули ярче, чем когда-либо. Голубой свет разлился на десятки метров вокруг, освещая корни, камни, мокрые листья и гнёзда, свитые из травы.

Светлячок ахнул:— Я вижу! Я вижу всё! Я никогда не видел этот овраг таким красивым!

Действительно, овраг, который обычно наводил ужас, теперь казался волшебным. Свет Ежика падал на влажные мхи, и те начинали искриться. Камни отбрасывали длинные, танцующие тени. Капли росы на листьях сияли как бриллианты. И вдруг Светлячок вскрикнул:— Остановись!

Ежик замер.— Что такое?— Там, впереди, — прошептал Светлячок. — Я вижу светящиеся грибы. Мы почти пришли! Ёжик посмотрел вперёд. Сначала он ничего не видел — только серые пни и бурые листья. Но потом он прищурился и, благодаря своему новому магическому зрению, заметил слабое, едва уловимое мерцание, которое исходило от нескольких грибов, растущих на поваленном дереве. Они действительно были бледными и невзрачными для обычного глаза, но их споры в воздухе переливались всеми оттенками лунного спектра.

— Я провожу тебя до них, — сказал Ёжик. — А дальше ты сам?

— Дальше я сам, — ответил Светлячок. — Я знаю дорогу. Там, за грибами, мой куст. Мама, наверное, уже ищет меня.

Он спрыгнул со спины Ежика и, дрожа от холода и волнения, подбежал к светящимся грибам. Как только он коснулся их, в его животике что-то щёлкнуло. Огонёк внутри него замигал, закашлялся и, наконец, разгорелся ярким зелёным пламенем.— Я снова свечусь! — закричал Светлячок от радости. — Спасибо тебе, Ёжик! Ты меня спас!

— Беги домой, малыш, — улыбнулся Ёжик. — Теперь у тебя всё будет хорошо. Светлячок взлетел в воздух, закружился вокруг Ежика, оставляя за собой зелёный светящийся след, и умчался вглубь леса, к своему дому.

Ёжик остался один. Он стоял в центре оврага, голубой свет его иголок медленно угасал до обычного яркого сияния. Он чувствовал себя уставшим, но счастливым.— Я сделал доброе дело, — сказал он себе. — И это было замечательно. Он повернулся, чтобы пойти домой, но заметил, что на земле, там, где он стоял, остались светящиеся следы.

Они вели обратно, через весь овраг, вверх по склону и к его собственной норе. И вдруг он услышал голос. Тонкий, звонкий, похожий на звон колокольчика.— Ты не просто сделал доброе дело, — сказал голос. — Ты стал Светом. Ёжик поднял голову и увидел на ветке старого дуба старую Сову. Она была серой, мудрой и смотрела на него своими жёлтыми глазами.

— Ты о чём? — спросил Ёжик.— О том, что теперь ты — Ночной Фонарщик, — сказала Сова. — Ты думаешь, Луна случайно пролила на тебя свою росу? Нет. Она тебя выбрала. Ты всегда был добрым, но теперь у тебя есть сила, чтобы помогать всем, кто потерялся в ночи.

— Но я просто маленький ёжик! — возразил он. — Я не знаю, как быть Фонарщиком. Я даже не умею управлять своим светом. Иногда он тускнеет, иногда ярчает. Я не мастер!

Сова мягко засмеялась.— Мастером не рождаются. Мастером становятся, когда просыпается сердце. Ты уже сделал первый шаг. Теперь каждый вечер выходи на тропу и ищи тех, кому нужен свет. Ты увидишь их — они сами придут к тебе.

И Сова улетела, бесшумно взмахнув крыльями. Ёжик постоял ещё немного, глядя на звёзды, а потом побрёл домой, в свою уютную норку под корнями старого пня. Он думал о том, что сказала Сова. Ему было и страшно, и радостно одновременно. Он лёг на свой моховой матрасик, закрыл глаза и мгновенно уснул — крепким, счастливым сном. Но он знал, что завтра ночью всё начнётся снова.

Глава 6. Первая ночь в роли Фонарщика

На следующую ночь Ёжик проснулся ещё до заката. Он чувствовал необычайный прилив сил. Его иголки мягко светились даже при дневном свете — тускло, но заметно. Он вышел из норки и оглядел лес.

Лес был полон звуков. Где-то ухал филин, где-то стрекотал кузнечик, где-то шуршала земля под лапами пробегающего зайца. Всё было как обычно. Но Ёжик чувствовал, что сегодня он должен быть на месте.

Он пошёл по тропинке, которую сам же и осветил прошлой ночью. Следы его иголок всё ещё слабо мерцали на земле. Они вели его к Ореховому оврагу, но он повернул налево, к ручью, где вчера плакал Светлячок.

У ручья он увидел маленького Утёнка. Тот сидел на берегу и печально смотрел на воду.

— Что случилось? — спросил Ёжик, подходя поближе и освещая берег своим голубым светом.

Утёнок поднял голову. Он был весь мокрый и дрожал.

— Я потерялся, — пропищал он. — Я плавал с братьями и сёстрами, но течение унесло меня далеко. Я не знаю, как вернуться к маме. А тут так темно! Я боюсь воды, потому что не вижу, где берег, а где глубокая яма.

Ёжик посмотрел на ручей. Вода была тёмной и коварной. Но он подошёл к самой кромке и наклонился так, чтобы его свет упал на водную гладь. Голубые лучи проникли сквозь толщу воды, и дно ручья стало видно, как на ладони. Камешки, водоросли, даже маленькие рыбёшки — всё было ясно и понятно. — Смотри, — сказал Ёжик. — Вот здесь мелко. Ты можешь перейти вброд. А там, за тем поворотом, я вижу уток. Может быть, это твоя семья?

Утёнок обрадовался. Он встал на лапки, отряхнулся и, следуя за голубым светом, который Ёжик отбрасывал на воду, перешёл ручей. Он бежал по светящимся камням, перепрыгивал через коряги и, выбравшись на другой берег, увидел свою маму, которая отчаянно кричала, разыскивая его. — Мама! — закричал Утёнок и бросился к ней.

Утка обняла его крылом и посмотрела на Ёжика с благодарностью. — Спасибо тебе, светлый ёж, — сказала она. — Ты спас моего малыша. Если бы не твой свет, он утонул бы в темноте. — Пустяки, — смутился Ёжик. — Я просто делаю то, что должен.

Но в душе ему было так радостно, что его иголки засветились ещё ярче, заливая весь берег голубым сиянием.

Он пошёл дальше. За эту ночь он встретил ещё много зверей. Он помог барсучихе найти её нору, которую завалило ветками. Он помог старому кроту, который вышел из-под земли в незнакомом месте и не мог найти обратный ход. Он даже помог летучей мыши, которая запуталась в сетях — он так ярко засветился, что она увидела все нити и выбралась без единой царапины.

К утру Ёжик еле стоял на ногах. Его иголки горели ярко, но в его глазах чувствовалась усталость. Он приплёлся в свою норку, упал на мох и заснул крепче, чем когда-либо.

И когда он спал, ему приснился сон.

Глава 7. Сон о Мастере Элизии

Ему снилось, что он стоит на Луне.

Это было странное чувство — стоять на холодной, пыльной поверхности, смотреть на Землю, которая висела вдалеке, как голубой мраморный шар. Рядом с ним стоял старый, седой человек в длинной серебряной мантии. В руках он держал ведро, которое светилось изнутри.

— Ты — Мастер Элизий? — спросил Ёжик. — Я, — ответил старик. — И я хочу извиниться перед тобой.

— За что? — удивился Ёжик. — За то, что пролил на тебя лунную росу, — сказал Элизий, и его глаза стали виноватыми. — Я был неловок, и ты пострадал. — Пострадал? — переспросил Ёжик. — Да я стал благодаря этому самым счастливым ёжиком в мире! Я помогаю всем вокруг! Я вижу в темноте! Я освещаю путь тем, кто его потерял! Элизий удивлённо приподнял бровь.

— И ты не злишься? — Нет, — твёрдо сказал Ёжик. — Я благодарен тебе. Ты дал мне цель. Старый Фонарщик улыбнулся. Его лицо разгладилось, и он стал выглядеть на сотню лет моложе.

— Ты удивительный, — сказал он. — Я боялся, что лунная роса будет для тебя проклятием. Что ты будешь гореть слишком ярко и привлекать хищников. Что другие звери будут бояться тебя. Но ты превратил это в дар.

— Так научи меня, — попросил Ёжик. — Научи меня быть настоящим Фонарщиком. Как зажигать дорожки надолго? Как не уставать так быстро? Я хочу помогать ещё больше. Элизий подошёл к нему, присел на корточки и провёл рукой по его сияющим иголкам.

— Ты уже всё умеешь, — сказал он. — Ты умеешь главное — ты умеешь слушать. Свет не там, где его зажигают. Свет там, где его ждут. Ты чувствуешь, кто нуждается в тебе. А это важнее любого ведра и любой черпалки. Но если хочешь... Он отломил от своего ведра крошечный кусочек лунного серебра и вложил его в лапу Ёжика. — ...держи. Это частица моего колодца. Если когда-нибудь твой свет начнёт угасать, положи эту серебряную крошку на иголку. Она зарядит тебя силой Луны. Ёжик сжал лапку и почувствовал, как внутри разливается необычная энергия.

— Спасибо, Мастер, — прошептал он. — Иди, — сказал Элизий. — Иди и продолжай светить. Лес велик, и потерянных много. Ты нужен им. Ёжик проснулся. Солнце уже встало. Лучи пробивались сквозь листву, освещая его норку. Его иголки светились, как всегда, но на одной из них, на самой верхней, блестела крошечная серебряная росинка — подарок от Элизия. Ёжик улыбнулся, зевнул и вышел из норки. Ночью он отдохнёт, а пока — можно погулять, поесть ягод и набраться сил.

Ведь ночью его ждут новые приключения.

Глава 8. Неожиданная встреча

В тот вечер, когда солнце только начинало садиться за горизонт и небо окрашивалось в оранжево-розовые тона, Ёжик сидел на пороге своей норки и перебирал в памяти события прошлой ночи. Он думал о Светлячке, об Утёнке, о барсучихе и о кроте. Ему казалось, что он уже знает каждого жителя леса.

Но вдруг он заметил нечто странное. На противоположном краю поляны стоял маленький лисёнок. Он был рыжим, пушистым и очень-очень испуганным. Он смотрел на Ёжика огромными глазами и дрожал, будто увидел привидение.

— Ты кто? — спросил Ёжик дружелюбно.

— Я... я Лисёнок, — ответил тот. — Я убежал от мамы, потому что хотел посмотреть на светящийся шар, который видел вчера. А теперь я заблудился. И я боюсь. Ты светишься... ты не злой?

— Нет, — засмеялся Ёжик. — Я добрый. Иди сюда, не бойся. Лисёнок неуверенно шагнул вперёд, потом ещё один, и вдруг побежал прямо к Ёжику и ткнулся носом в его мягкий животик. — Ой! — пискнул он. — Твои иголки тёплые! — Они ещё и светят, — сказал Ёжик. — Хочешь, я провожу тебя до твоей мамы? Лисёнок кивнул. Ёжик встал, отряхнулся, и они двинулись в путь. Но тут Ёжик заметил, что свет его иголок становится почему-то тусклее, чем обычно. — Странно, — сказал он. — Обычно я свечу ярче. Он посмотрел на серебряную росинку, подаренную Элизием. Она была на месте, но была бледной и мутной.

— Наверное, я слишком много потратил сил вчера, — подумал Ёжик. — Но ничего, мы справимся. Они шли по лесу. Ёжик старался изо всех сил, но его свет то разгорался, то угасал, словно свеча на ветру. Лисёнок доверчиво шёл рядом, но иногда спотыкался в темноте, когда свет почти гас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.